

УДК 82

ОБРАЗ АВИАТОРА В РОМАНЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «БЛИСТАЮЩИЕ ОБЛАКА»

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья посвящена анализу механизмов функционирования советского авиационного дискурса в художественной прозе 1920-х, вобравшей в себя опыт литературных направлений как последних дореволюционных, так и первого постреволюционного десятилетий. Актуальность работы обусловлена необходимостью реконструировать элементы указанного дискурса на стадии его формирования.

Цель предпринятого исследования – выявление значимых черт образа летчика как важнейшей составляющей авиационной темы на материале знакового романа Паустовского «Блистающие облака».

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению авиационного дискурса в русской литературе посвящены работы Ю. Левинга, Е. Желтовой, В. Мароши. Ключевые литературоведческие исследования в области советской культуры, используемые в настоящей статье, принадлежат Х. Гюнтеру, К. Кларк, Н.Л. Лейдерману, Н.В. Ковтун.

Методология. В работе использованы структурно-типологический, сопоставительный методы, а также метод мифопоэтического анализа.

Результаты исследования. Выявлено, что стратегия изображения летчика в сочинении К.Г. Паустовского ориентирована как на дореволюционный нарратив, где летчик-человек вторгается в сакральное пространство неба, за что несет наказание (роман начинается с известия о гибели героя), так и на зарождающийся соцреалистический канон.

Выводы. Функции образа летчика в романе К.Г. Паустовского сообразны историко-литературному этапу конца 1920-х гг., где авиатор выступает в роли вестника, психопомпа, репрезентируется как культурный герой формирующегося советского мифа, что впоследствии получит развитие в канонических соцреалистических текстах.

Ключевые слова: Константин Паустовский, Александр Грин, авиационный дискурс, образ авиатора, соцреализм, неоромантизм, культурный герой, трикстер.

Постановка проблемы. Концептуально авиационный дискурс выстраивается именно в первые два послереволюционных десятилетия. К середине 1930-х гг. летчик становится одной из ключевых фигур советского мифа. В 1920-е гг., будучи в стадии становления, он обладает, в отличие от остальных героев (стахановцев, альпинистов, спортсменов), минимальной субъектностью, находясь выше в соцреалистической иерархии [Кларк, 1992], что обусловлено тесной связью авиационного и властного дискурсов.

Статусностью фигуры авиатора для идеологии молодого Советского государства обусловлено наше внимание к указанному образу и авиационному дискурсу в целом. В статье мы придерживаемся дефиниции дискурса, данной

А.А. Грицановым. Согласно его трактовке, это «словесно либо письменно артикулированная форма объективации содержания сознания, обусловленная доминирующим в данной социокультурной традиции типом рациональности. <...>, прежде всего, это речь, погруженная в жизнь, в социальный контекст» [Грицанов, 2007, с. 148].

Работ, посвященных детальному анализу образа в рамках указанного периода и на материале романа К.Г. Паустовского, на сегодняшний день не обнаружено, что определяет новизну исследования.

Обзор научной литературы по проблеме. Актуальность представленного исследования обусловлена непреходящим интересом современной гуманитаристики к советской мифологии в целом и к авиационному дискурсу в частности. Среди наиболее знаковых работ, посвященных изучению авиационных образов в русской и советской литературе и культуре, стоит отметить статьи В. Мароши [Мароши, 2005], Е. Желтовой [Желтова, 2007]. Тема не теряет актуальности и в последнее десятилетие, что находит отражение в публикациях Т. Загидулиной [Загидулина, 2019], Ю. Левинга [Левинг, 2021]. Отобранный материал (роман К.Г. Паустовского «Блистающие облака») позволяет проанализировать специфические особенности фигуры авиатора в литературе второй половины 1920-х гг., на которую пришлось окончание большого историко-литературного этапа, охватившего почти четыре десятилетия, и начало нового периода – фазы формирования соцреалистического канона.

Материалом анализа в настоящей статье послужил роман К.Г. Паустовского «Блистающие облака», созданный в 1928 г., в самом конце большого историко-литературного этапа, начавшегося в 1890-х гг. Указанный период демонстрирует сосуществование и взаимодействие ряда художественных течений: неоромантизма, романтизма, экспрессионизма, повлиявшего на развитие сюрреализма и абстракционизма, а также соцреализма как одного из направлений развития русской литературы [Лейдерман, 2005].

В. Ковский, анализируя особенности литературного процесса 1920-х гг., приходит к выводу, что «творческий опыт советской классики являет нам целый спектр эстетических взаимодействий, контактов, переключек, направленных и в глубь отечественной культуры, и по ее “горизонтали”, и за ее пределы» [Ковский, 1990, с. 381]. В этом смысле сама полифоничность периода делает рассмотрение творчества того или иного автора данной эпохи в рамках одного направления нецелесообразным.

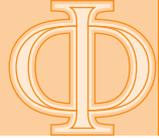
Как отмечают исследователи, на ранних этапах литературной биографии в текстах К.Г. Паустовского прослеживается ориентация на неоромантическую стратегию А. Грина¹. Ю.Е. Ягжина производит детальный анализ внушительного

¹ О личных связях К.Г. Паустовского и А. Грина пишет А. Варламов [Варламов, 2008, с. 137], кроме того, в контексте рассуждения о взаимоотношениях писателей стоит упомянуть очерки К.Г. Паустовского «Жизнь Александра Грина» (1939), «Сказочник» (1955), повесть «Черное море» (1936).

массива научной и критической литературы разных лет и отмечает: «Исследователи находили, что свои повести Паустовский заселял людьми, “эмигрировавшими” из гриновских книг» [Ягжина, 2016, с. 247]. Мы не можем, вслед за А.В. Громовой, отрицать и вероятного использования автором игровой стратегии [Громова, 2010, с. 212], подразумевающей богатство интертекстуальных связей. Так, роман «Блистающие облака» Паустовского соотносится с «Блистающим миром» Грина (1923) даже на уровне заглавия, очевидным образом присутствует и сюжетная перекличка, однако есть ряд знаковых различий, при анализе которых выявляется тенденция к сближению текста Паустовского с советской идеологией, что обусловлено в том числе и временем создания произведения. Хронологически конец 1920-х гг. соответствует фазе формирования соцреалистического канона (протоканона), когда, по замечанию Х. Гюнтера, «прототипические произведения поставляют в своей общей структуре образцы подражания для романов соцреализма, в деталях они с точки зрения сформировавшегося канона являются все-таки еще несовершенными и дефицитными» [Гюнтер, 2000, с. 283]. Такие тексты не соотносятся с каноном тотально, будучи ориентированными на более ранние, в том числе и авангардистские, стратегии.

Наличие соцреалистических тропов в романе К.Г. Паустовского, таким образом, отвечает логике историко-литературного этапа, где формирующийся метод функционировал как один из векторов существования русской литературы вообще, о чем убедительно говорит Б. Гройс: «Социалистический реализм создавали не массы, а от их имени – вполне просвещенные и искушенные элиты, прошедшие через опыт авангарда и перешедшие к социалистическому реализму вследствие имманентной логики развития самого авангардного метода» [Гройс, 2013, с. 26]. Подобные взаимоотношения писателя с социалистическим реализмом имеют место и на более поздних этапах, в частности О.А. Богданова указывает на соотнесенность послевоенной прозы К.Г. Паустовского с установками на коммунистическую идейность и исторический оптимизм [Богданова, 2025, с. 11].

Подобные сближения наблюдаются и в романе «Блистающие облака», где репрезентируется новая действительность, в том числе и посредством акцентирования внимания на месте действия – России первых постреволюционных лет и шире – СССР. В дневнике летчика есть запись о его пребывании в Усолье и речи председателя уисполкома: «Советская власть делает все для трудящихся, Советская власть в лепешку расшибается – и вот результаты, товарищи!» (Паустовский, 1977, с. 21). В эпизоде беседы героев артикулируются необратимость социальных изменений и необходимость идти в ногу со временем: «– Пожалуй... Что вам от того, что вы живете в двадцатом веке, да еще в Советской России? Ничего. Ни радости, ни печали. Генеральша, которую разорили большевики, и та живее и современнее вас: она хоть ненавидит. А вы что? Вы – старик!» (Паустовский, 1977, с. 29). Современная Россия не мыслится автором как несоветская, что получает подтверждение на символическом плане – портреты вождей органично соседствуют с русскими березами: «В чайной на втором этаже, на закоптелых

стенах были наклеены портреты вождей – Ленина, Калинина. За узкими окнами стучали о стену худые березы» (Паустовский, 1977, с. 157). Акценты, расставленные писателем, сообразны духу времени, которое он принимает и в котором адаптируется, пытаюсь, как и его герои, быть современным.

В центре настоящего исследования находится процесс формирования советского авиационного дискурса. Нас интересует преломление указанной темы в романе К.Г. Паустовского. Значимым, хотя и «внесценическим», героем «Блистающих облаков» является летчик Нелидов, поиски дневника которого составляют сюжетную основу произведения.

Таким образом, *цель представленного анализа* – выявление значимых черт образа авиатора как важнейшей составляющей авиационного дискурса в прозе второй половины 1920-х гг., вобравшей в себя опыт различных художественных течений последних дореволюционных и первого советского десятилетий.

Целью обусловлены конкретные задачи: выяснение функционального наполнения образа летчика в романе К.Г. Паустовского «Блистающие облака» (1928); сопоставление образа авиатора с фигурой летающего человека, персонажа романа А. Грина «Блистающий мир» (1923); анализ трансформации отражения авиационной темы (дискурса) в период становления советской литературы (в том числе и через рассмотрение художественного пространства).

В работе использованы структурно-типологический, сопоставительный методы, а также метод мифопоэтического анализа.

Результаты исследования

Образ авиатора в литературе второй половины 1920-х гг.: переходный тип. В словесности 1920-х образ летчика получает отражение в произведениях по-разному ориентированных авторов. Так, в творчестве М. Зощенко намечается оппозиция «авиатор – обыватель», актуализируется функция вестничества, образ авиатора сопрягается с мистическим содержанием (его могут даже принимать за черта) [Загидулина, 2019, с. 70]; в прозе М. Булгакова в течение 1920–1930-х гг. образ претерпевает значительные изменения, одинокий безымянный мертвый пилот («Киев-город», 1923) противопоставляется летчику Дарагану из пьесы «Адам и Ева» (1931), вписывающемуся в представление об идеальном организованном представителе коллектива [Загидулина, 2019, с. 76]. В детской литературе, в частности в рассказе К. Минаева «Летуны», актуализируется функция вестничества (агитполеты, просвещение), кроме того, авиатор выступает в роли психопомпа [Загидулина, 2019, с. 86].

В романе К.Г. Паустовского уже функционирует тип героя, максимально приближенный к фигуре сталинского сокола (хотя само выражение возникнет позже), но реализуется он косвенно, посредством созданного летчиком текста. Примечателен жанр этой рукописи – личный дневник, что подчеркивает пока неполное слияние авиационного и властного дискурсов. Интерес государства к этому документу диктуется тем, что частное переходит в ранг общественного, оно важно лишь потому, что может лечь в основу социального развития.

В романе неоднократно артикулируются неординарность и универсальность дарования авиатора – с одной стороны, он демонстрирует высокое мастерство полета, с другой – занимается техническим творчеством, а также создает тексты литературоведческого и критического характера: «Начинается дневник с исследования о сопротивлении воздуха при полете. Много выкладок, цифр, но все это <...> пересыпано мыслями из дневника Леонардо да Винчи, своими личными записями...» (Паустовский, 1977, с. 18); «Здесь же Нелидов вставил короткий очерк о птицах в литературе <...>. Поначалу это кажется хаотичным, но через пять-десять страниц уже улавливаешь <...> облик человека, никогда не оглядывающегося назад» (Паустовский, 1977, с. 18).

Характеристика летчика как «человека, никогда не оглядывающегося назад» свидетельствует о его абсолютной обращенности в будущее, аллюзия на труды мастера эпохи Возрождения – о соотносительности главного героя с таким психологическим типом интеллектуала, как полимат («полимат – это человек, чьи знания охватывают значительное количество предметов и который использует сложные совокупности знаний для решения конкретных проблем» [Егерев, 2023, с. 231]). Британский медиевист Питер Берк, детально описывая особенности мышления «универсальных людей», относя к ним Дени Дидро, Леонардо да Винчи, Ю. Лотмана и др., полагает ключевыми отличиями полиматов от специалистов узкого профиля их любознательность, многозадачность, способность совмещать подходы разных дисциплин для исследования контекстных феноменов. Кроме того, исследователь полагает, что именно междисциплинарность является двигателем прогресса. Именно такой «универсальный» герой представлен в романе Паустовского как человек будущего, а текст, им созданный, – как ответ на интеллектуальные вызовы времени. Инновационность самого образа авиатора наиболее ярко выявляется при анализе литературного контекста и интертекстуальных связей произведения. Знаковой в этом смысле является аллюзивная связь «Блистающих облаков» К.Г. Паустовского с романом «Блистающий мир» А. Грина. При сопоставительном анализе произведений выстраиваются достаточно очевидные параллели на сюжетном и персонажном уровнях. Примечательно, что роман Грина оканчивается смертью героя, роман Паустовского начинается с рассказа о гибели авиатора. Сюжетная перекличка не случайна, она подчеркивает дискуссионный характер романа Паустовского по отношению к произведению А. Грина, о чем свидетельствуют и сходные эпизоды двух текстов, в которых, однако, акценты расставлены подчас прямо противоположным образом.

В центре внимания автора «Блистающего мира» находится фигура летающего (в прямом смысле) человека Друда, образ которого подсвечен фантастическими и даже мистическими мотивами. Герой-одиночка, обладающий исключительным даром, однако, не угоден государству, его талант воспринимается как опасность: «неуловимый Некто может распоряжаться судьбой, жизнью и собственностью всех без исключения» (Грин, 1988, с. 38). Наделенный невероятными способностями летчик Нелидов, чей уникальный дневник, охарактеризованный

одним из персонажей как «нечто совершенно новое в литературе, да и вообще в истории культурного человечества» (Паустовский, 1977, с. 18), напротив, не вызывает беспокойства властей, более того, поиски документа государство финансирует («Государство, в лице одной из своих организаций, дает на поиски немного денег» (Паустовский, 1977, с. 22)).

Этот акцент позволяет типологически разграничить образы персонажей: Друд – романтический герой-одиночка, исключительный человек в исключительных обстоятельствах, он противопоставлен власти как таковой. Связанные с ним персонажи отделены от общества, несчастны – это и Руна, пожелавшая его смерти, и Тави, которая после встречи с ним потеряла связь с привычным кругом общения (о ее судьбе после смерти героя читателю ничего неизвестно), и Стеббс, одинокий смотритель маяка и, говоря словами персонажа, плохой поэт.

Летчик Нелидов лишь на первый взгляд обладает чертами романтического героя, он не противопоставлен сильному миру сего, более того, поиски его дневника позволяют людям, к ним причастным, пройти процесс социализации и стать полноценными членами обновленного общества. В финале романа изначально пассивные герои обретают идентичность в реалиях радикальным образом изменившегося мира, избавляются от неустроенности, неприкрепленности и связанной с этим фрустрации: «Батулин знал, что вот к этому – к плодоносной земле, <...> к мудрости, скрытой в каждой, самой незначительной вещи, – он будет идти, звать, мучить людей, пока они не поймут, что без этого нельзя жить, бороться...» (Паустовский, 1977, с. 164); «“Верхавен” перешел в собственность Советского Союза, и капитан Кравченко получил предписание принять его, отремонтировать и вступить в командование» (Паустовский, 1977, с. 161) и т.д.

Таким образом, при сопоставлении персонажей выстраивается оппозиция «коллективное – индивидуальное», одиночество романтического героя противопоставляется коллективистскому порыву персонажей советской прозы. Предположение о знаковом различии героев, которое подчеркивает дискуссионный по отношению к тексту Грина характер романа Паустовского, подтверждается сопоставлением образов на уровне культурных архетипов.

Друд, летающий человек А. Грина, обладает трикстерской природой. Н.В. Ковтун выделяет принципиальные черты трикстера – амбивалентность, витальность, потенциал медиации, лиминарность и ситуативность, органичную связь с творческим началом, соотнесенность с сакральным контекстом [Ковтун, 2022]. Двойственность персонажа проявляется уже в самом начале романа, буквально в первом предложении: «Семь дней пестрая суматоха афиш возвещала городским жителям о необыкновенном выступлении в цирке “Солейль” “Человека Двойной Звезды”» (Грин, 1988, с. 5). Двойная звезда – творческий псевдоним летающего человека Друда, он, как и другие его имена, отсылает к библейской символике и указывает на соотнесенность персонажа с сакральным контекстом: «Друд – “Двойная Звезда” – <...> представляется то силой дьявольской, то силой божественной. “Двойственность” чудесной природы

особенно ярко подчеркивается на уровне именованного героя. На визитной карточке Друда – две буквы: “Э. Д.”, которые можно расшифровать по-латыни и как “Ессе Dominus”, и как “Ессе Diabolus”; другое имя героя – Симеон Айшер, первая часть которого напоминает о лжепророке Симоне-вохве; третье имя – Вениамин Крукс: лат. *crux* – “крест”, имя Вениамин также вписывается в круг библейских ассоциаций» [Царькова, 2003, с. 306], – отмечает Ю. Царькова.

Связь Двойной Звезды с архетипом трикстера выявляется также при анализе эпизодов, связанных с реакцией горожан на его выступление в цирке: «Эти вести создали легенду о черте <...>. Наперерез этой диковине всплыл слух об ангелах, <...>, но более склонялись все к объяснению <...>, что приезжий грек изобрел летательную машинку, <...>; грек вылетел из цирка на улицу и упал <...>. Венцом всей путаницы было потрясающее известие о посещении цирка стайей летающих мертвецов...» (Грин, 1988, с. 21). Похожий эпизод присутствует в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, где подобные слухи ходили о Воланде, которого М. Липовецкий встраивает в трикстерскую парадигму, характеризуя его поступки как «масштабный потлач, учиняемый ради утверждения сакральной свободы» [Липовецкий, 2009, с. 233]. То же у Грина – священной ценностью, провозглашаемой Друдом, становится свобода, что указывает на связь персонажа с сакральным контекстом.

Сопряженность образа Друда с пространством цирка, игры, также свидетельствует о трикстерской природе персонажа. Кроме того, именно в желании Человека Двойной Звезды выступить на арене проявлено мощное творческое начало: «Время от времени <...> слабеет мой дар, если не оживлять его; он восстанавливается вполне, когда есть зрители моих упражнений. Вот – единственное ядро, к которому я прикован» (Грин, 1988, с. 7). Летающий человек не может жить без зрителя, как, например, не может существовать без читателя писатель. Творчество Друда, однако, существует само в себе, оно не направлено вовне, в демонстрации фактически нуждается лишь он сам. Герой отказывается от идеи Руны о власти, ему ближе игра, которой он готов предаваться постоянно: «Друд повернул обратно, развлекаясь обычной игрой...» (Грин, 1988, с. 19). Мотивация персонажа говорит об иррациональности как отнولوجическом основании его мировоззрения: «Я буду и посмотрю, как это сильное дуновение, этот удар вихря погасит маленькое косное пламя невежественного рассудка» (Грин, 1988, с. 7). Таким образом, иррациональность, соотнесенность с сакральным контекстом, пограничность, двойственность, игровая стратегия поведения, ярко выраженное творческое начало позволяют говорить о трикстерской природе гриновского персонажа.

Летчик Нелидов, напротив, обладает потенциалом культурного героя формирующегося советского мифа. Знание, которое он дарует людям, его труд, важны для государства, он сам осознает это, отдавая свой дневник на время полетов сестре, чтобы рукопись не была утрачена в случае его смерти. Важно и то, что его знание носит интегративный, но при этом сугубо рациональный характер:

«Он <...> написал монографию о кустарных промыслах – лаковых изделиях, кружевах, выделке замши и набойке» (Паустовский, 1977, с. 19); «он ухитрился написать две прекрасные работы: о поэте Мее и о “сколачивании фразы”» (Паустовский, 1977, с. 20); «Нелидов сконструировал тысячесильный мотор весом в пятьсот кило. Это значит, что самолет с его мотором может взять вчетверо больше горючего и вчетверо удлинить полет» (Паустовский, 1977, с. 18). Окружающие воспринимают его как воплощенный идеал советского человека, овеществленное знание о новом мире: «Настоящих советских людей мы почитай что не видели. <...> С нами, в волчьей нашей глуши, сидит советский летчик, кавалер пролетарских орденов. Не то важно, что прислали к нам самолет, а то, что показали нам нового человека – каков он должен быть» (Паустовский, 1977, с. 21). Мотив чуда, функционирующий и у Грина, акцентирован в «Блистающих облаках» прямо противоположным образом: авиатор, являющий чудо нового человека, воспринимается исключительно позитивно, без страха перед его возможностями. Это сила, вставшая под знамена советской власти.

С указанным признаком связана еще одна функция образа летчика, характерная для текстов 1920-х гг., – функция психопомпа, водителя душ. Он, будучи представителем не только нового времени, но и нового пространства – СССР, перемещает молодую женщину Наташу, дочь председателя уисполкома, в Москву, идеологический центр Советского мироздания, ключевую точку на ментальной карте СССР: «Она потупилась и очень тихо, но упрямо сказала:

– Возьмите меня в Москву, – я не боюсь. Я учиться хочу. Не могу я здесь оставаться» (Паустовский, 1977, с. 21).

Этот эпизод перекликается с сюжетом детской повести К. Минаева «Летуны» (1926), рассмотренной нами в рамках анализа образа авиатора в детской литературе 1920-х гг., где авиатор функционирует как «проводник между мирами – города и деревни, реальности и коммунистической утопии» [Загидулина, 2019, с. 86].

Прямо противоположно развитие аналогичной линии у Грина: «Я зову тебя, девушка, сердце родное мне, идти со мной в мир недоступный, может быть, всем. Там тихо и ослепительно. Но тяжело одному сердцу отражать блеск этот; он делается как блеск льда» (Грин, 1988, с. 140). Друд сам приглашает молодую женщину уйти от общества в идеальный, другой, мир, покинуть социум. Ее воля заключается только в том, чтобы согласиться или отказаться.

Кроме того, в романе Паустовского актуализируется вестническая ипостась авиатора. Он выполняет агитполеты, являясь проводником знания о новом прекрасном мире: «Он говорил тихо. Говорил об авиации, о том, что он счастлив покрывать сотни верст над сплошными лесами, чтобы доставить затерянным в глуши людям возможность радоваться вместе с ним человеческому гению, упорству, смелости» (Паустовский, 1977, с. 21). Авиационный дискурс посредством сюжета агитполета сливается с дискурсом властным, именно посредством пропаганды большевики «обращают в свою веру» людей, живущих

на периферии огромной страны. Весть, которую несет авиатор, находится не только в области техники или литературоведения, но и в области идеологии. В этом смысле летчик – универсален.

Гибель авиатора способствует сакрализации его фигуры, в этом контексте важно, что после смерти герой обретает вечность в тексте, опережающем время, именно это опережение сближает образ летчика с типом научного визионера, мыслителя-новатора, идеи которого станут частью фундамента при строительстве нового общества.

Персонаж «Блистающего мира» Друд сознательно отказывается от подобной роли, когда Руна предлагает ему создать некий сакральный текст: «В той книге вы напишете о себе, всему придав тот смысл, что тайна и условия счастья находятся в воле и руках ваших, – чему поверят все, так как под счастьем разумеют несбыточное» (Грин, 1988, с. 58). Летящий человек предпочитает мессианству игру и свободу, о чем свидетельствует второе его явление на публике под личиной изобретателя Крукса, сконструировавшего удивительный летательный аппарат. Демонстративность поведения героя обусловлена его стремлением подпитывать свой дар, однако она парадоксальным образом сочетается с жаждой одиночества, отчужденностью, способностью пребывать одновременно в двух мирах, что сближает образ Двойной Звезды с типом творческой личности эпохи Серебряного века, которая обладает способностью к трансгрессии, воплощения «несбывшегося». Именно на смену двойственному, иррациональному и обращенному к трансцендентному герою приходит авиатор.

Так, потенциал авиатора как культурного героя раскрывается прежде всего в просветительской функции, где важны не только те знания, которые он несет в мир, но и сам он в качестве овеществления идеи нового человека. Кроме того, актуализируется функция вестничества, фактически авиатор становится проводником идей государства. Он может преодолевать границы, в том числе и действуя как психопомп. Основной интенцией летчика является соединение мира идеального, частью которого является он сам, и мира реального, летающий человек Грина, напротив, проводит грань между этими мирами. Традиционное романтическое двоemiрие подвергается разрушению в творчестве Паустовского.

Трансформация репрезентации пространства неба: возможность преодоления границ. Небо в дореволюционной культуре обладало характеристиками сакрального пространства: авиационный нарратив, как правило, был сопряжен со смертью (А. Блок «Авиатор» (1910–1912); И. Бабель «Одесса» (1916) и др.) или сумасшествием летчика (А. Куприн «Уточкин» (1915)), иногда, как в рассказе Л. Андреева «Полет» (1914), с тем и другим. Гибель, однако, осознавалась не только наказанием за гордыню, но и закономерным итогом бессмысленного риска артиста, работающего на публику, человека, недостойного находиться в священном месте. Сам полет соотносился с преодолением границы между сакральным и профанным.

Подобным образом репрезентируется пространство неба в прозе А. Грина: «Однако выясним суть, желания, идею полета, его мыслимое идеальное состояние. Неизбежно здесь сновидение; лишь его волнующий арабеск подскажет <...>, чем одушевлен чистый полет. Им правит легкий и глубокий экстаз; неведомые наяву чувства...» (Грин, 1988, с. 94). Небо – это второй, другой мир, пространство сна, грезы, доступное лишь существам, обладающим нечеловеческой природой. Как отмечает А.Н. Варламов, «тема летящего вне самолета человека была для Грина важна еще с дореволюционных пор. <...> Но, пожалуй, никого из русских писателей сама возможность оторваться от земли и полететь не потрясла и лично не задела так сильно, как Грина. <...> Он возненавидел авиационную технику ревностью оскорбленного любовника неба» [Варламов, 2008, с. 208]. Кроме того, А.Н. Варламов упоминает рассказ Грина «Летчик Киршин», где трагедия происходит от столкновения аэроплана с воздушным шариком, указывая на важность мотива в контексте темы авиации в творчестве писателя. В этом видится отрицание рации, сугубый индивидуализм – свидетельство приверженности писателя романтическим идеалам. Пространство неба сакрально в рамках его идеологии, вторгаться туда может только человек со сверхспособностями, техника оскверняет его.

В начале 1920-х гг. начинается развитие линия, которая и станет магистральной в советской литературе, «намечается тенденция к десакрализации пространства неба, что влечет за собой изменение восприятия фигуры авиатора от беспомощного и смешного человека в небе до почти бога, богочеловека» [Загидулина, 2019, с. 52], которая реализуется в произведениях В. Маяковского («Разве у вас не чешутся обе лопатки» (1923)), В. Катаева («Летят» (1923)) и др. В конце десятилетия в литературном поле происходят существенные изменения репрезентации феномена авиации, о чем свидетельствуют тексты второй половины 1920-х (в том числе и «Блистающие облака»), часто ориентированные на формирующуюся идеологию соцреализма.

В романе К.Г. Паустовского органично сочетаются обе тенденции. С одной стороны, авиатор явлен как универсальный человек, проективный советский герой, с другой – в нем еще остаются черты трагической фигуры дореволюционного авиатора. Осуществляя агитполеты, летчик Нелидов предельно рационален, он реализует потенциал советского культурного героя. Двигаясь «по горизонтатали», авиатор осуществляет волю государства, реализуя вестническую и просветительскую функции. Высотные полеты, однако, порождают в его сознании иррациональное, так, устремляясь ввысь, авиатор утрачивает рацию, являющееся стержнем его личности, полет обретает характеристики метафизического акта: «На высоте – сознание, память, мысли – все обостряется. <...> Высотные полеты делают людей индивидуалистами. <...> На высоте я всегда кричу <...>. Я кричу одну только строчку чьих-то стихов “Земля, как мать, нежна к забытым божествам” <...>. Почему все это происходит – не знаю»

(Паустовский, 1977, с. 19). Кроме явных отсылок к тексту Грина, очевидно сходство фрагмента с эпизодом из рассказа Л. Андреева «Полет» (1914): «Вот и сбился мой счастливый сон, вот уже я и в святом жилище моем, хожу среди моих высоких зал, и нет со мною никого, только свет один» (Андреев, 1982, с. 393). Актуализируется сюжет пересечения границы между мирами, однако летчик Л. Андреева не способен вернуться – он погибает, его дух освобождается от плоти, а авиатор Паустовского в силах пересечь границу еще раз, хотя гибель его вполне вписывается в рамки дореволюционных авиационных сюжетов. Это свидетельствует о том, что само пространство неба репрезентируется как более доступное для человека, но тем не менее неподвластное ему. Нарратив, явленный в тексте Паустовского, все же пока далек от риторики 1930-х гг., когда увлечение авиацией приобретает массовый характер, а небо полностью утрачивает характеристику *sacrum spatium*.

Выводы. Таким образом, сложный и разнообразный историко-литературный период 1920-х гг. порождает тип нового авиатора. Именно тогда происходит формирование советского авиационного дискурса, однако достаточно сильным остается влияние дореволюционной словесности, где образ летчика трактуется через призму трюкачества, бессмысленного риска, кроме того, сам полет репрезентируется как вторжение в сакральное пространство неба, проявление человеческой гордыни. К началу 1930-х гг. под влиянием новых социокультурных условий актуализируется иное представление об авиации и авиаторе: «небо уже становится обыденной территорией, предназначенной для существования в нем советского сверхчеловека» [Загидулина, 2019, с. 47]. Особенно ярко этот перелом являет себя при сопоставительном анализе романов А. Грина и К. Паустовского.

В произведении А. Грина, приводимом в качестве материала для сопоставления, истинным правом пребывания в «блистающем мире» обладает лишь сверхъестественное существо – летающий человек – Друд, реализующий трикстерское начало в трюке и обладающий способностью к преодолению границ. Собственно авиация репрезентируется в негативном ключе: человек может и должен летать без техники, полет мыслится как выход за пределы реальности, метафизический акт. В тексте К.Г. Паустовского актуализируется тенденция к десакрализации пространства неба, наметившаяся в литературе после революции. Пространство неба доступно новому человеку, советскому летчику, образ которого к 1930-м гг. воплотится в идеале летчика-писателя, творца, что также отсылает к типу культурного героя.

Так, функциональное наполнение образа авиатора в романе «Блистающие облака» сообразно историко-литературному этапу второй половины 1920-х гг., где летчик выступает в роли вестника, психопомпа, репрезентируется как культурный герой формирующегося советского мифа, что впоследствии получит развитие в канонических соцреалистических текстах (М. Водопьянов, Б. Полевой, В. Каверин).

Список источников

1. Андреев Л. Полет // Андреев Л. Избранное. М.: Современник, 1982. С. 386–394.
2. Грин А.С. Блестающий мир; Бегущая по волнам: рассказы. Архангельск: Северо-Западное книж. изд-во, 1988. 380 с.
3. Паустовский К.Г. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 1: Блестающие облака: роман; Черное море: повесть. 311 с.

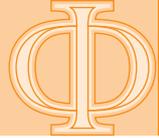
Библиографический список

1. Богданова О.А. Тема «усадьба и лес» в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. № 3. С. 8–18.
2. Варламов А.Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2008. 452 с.
3. Грицанов А.А. Дискурс // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 148–152.
4. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 168 с.
5. Громова А.В. Интертекстуальность ранней прозы К.Г. Паустовского: постановка проблемы // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / под ред. Е.Ф. Кирова, Г. Кундротаса, М.Б. Лоскутниковой. М.: МГПУ, 2010. Вып. 5 С. 205–214.
6. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб.: Академический проект. 2000. С. 282–287.
7. Егерев С.В. Ученый между универсальностью и специализацией. Рецензия на книгу Питера Берка «Полимат: история универсальных людей от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг» // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 230–237.
8. Желтова Е.Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века // Труды Русской антропологической школы. 2007. Вып. 4, ч. 2. С. 163–193.
9. Загидулина Т.А. Ни ввысь, ни свыше. Авиационный дискурс в русской литературе 20-х–30-х гг. XX в. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. 208 с.
10. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 83–93.
11. Ковский В.Е. Реалисты и романтики: из творческого опыта русской советской классики. М.: Художественная литература, 1990. 381 с.
12. Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени (на материале русской прозы второй половины XX–XXI века). М.: ФЛИНТА, 2022. 408 с.
13. Левинг Ю. Поэзия в мертвой петле (Мандельштам и авиация) к 130-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама. М.: Бослен, 2021. 223 с.
14. Лейдерман Н. «Магистральный сюжет». XX век как литературный мегацикл // Урал. 2005. № 3. С. 226–239.

15. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 6 (100). С. 224–245.
16. Мароши В.В. Дионисийские мотивы в литературной неомифологии авиатора // Культура и текст. 2005. Т. 1. С. 15–33.
17. Царькова Ю. Испытание чуда: Роман А. Грина «Блистающий мир» // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 303–316.
18. Ягжина Ю.Е. Интертекстуальность романа К.Г. Паустовского «Блистающие облака» // LITTE RATERRA: материалы V Международной конференции молодых ученых. 2016. С. 243–252.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

THE IMAGE OF AN AVIATOR IN *SHINING CLOUDS* BY K.G. PAUSTOVSKY

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the mechanisms of functioning of the Soviet aviation discourse in the fiction of 1920s incorporating the experience of literary trends in both the last pre-revolutionary and first post-revolutionary decades. The relevance of the work is due to the need to reconstruct the elements of this discourse at the stage of its formation.

The purpose of the study is to identify significant features of the pilot's image as the most important component of the aviation theme based on the material of Paustovsky's landmark novel *Shining Clouds*.

A review of scientific literature on the problem. The works of Y. Leving, E. Zheltova, and V. Maroshi are devoted to the understanding of aviation discourse in Russian literature. The key literary studies in the field of Soviet culture used in this article belong to H. Gunther, K. Clark, N.L. Leiderman, and N.V. Kovtun.

Methodology. The paper applies structural-typological, comparative methods, as well as the method of mythopoetic analysis.

Research results. It is revealed that the strategy of portraying a pilot in K.G. Paustovsky's novel is focused both on the pre-revolutionary narrative, where a human pilot invades the sacred space of the sky and is punished for that (the novel begins with the news of the death of the hero), and on the emerging socialist realism canon.

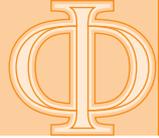
Conclusions. The functions of the pilot's image in K.G. Paustovsky's novel are consistent with the historical and literary stage of the late 1920s, where the aviator acts as a messenger, a psychopomp, and is represented as a cultural hero of the emerging Soviet myth, which will later be developed into canonical socialist realist texts.

Keywords: *Konstantin Paustovsky, Alexander Green, aviation discourse, image of an aviator, socialist realism, neo-romanticism, cultural hero, trickster.*

References

1. Bogdanova, O.A. Tema "usad'ba i les" v literature socialisticheskogo realizma konca 1940-h – nachala 1950-h gg. (K.G. Paustovskij i L.M. Leonov) [The theme of "estate and forest" in the literature of socialist realism of the late 1940s – early 1950s (K.G. Paustovsky and L.M. Leonov)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University]*, 2025, 3, 8–18.
2. Car'kova, Yu. Ispytanie chuda: Roman A. Grina "Blistayushchij mir" [The test of a miracle: A. Grin's novel "The Shining World"]. In: *Voprosy literatury [Questions of literature]*, 2003, 5, 303–316.
3. Egerev, S.V. Uchyonyj mezhdru universal'nost'yu i specializaciej. Recenziya na knigu Pitera Byorka "Polimat: istoriya universal'nyh lyudej ot Leonardo da Vinchi

- do S'yuzen Sontag" [A scientist between universality and specialization. A review of Peter Burke's book "The Polymath: A Cultural History from Leonardo da Vinci to Susan Sontag"]. In: *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika [Science management: theory and practice]*, 2023, 5, 1, 230–237.
4. Gricanov, A.A. Diskurs [Discourse]. In: *Novejshij filosofskij slovar'. Postmodernizm [The latest philosophical dictionary. Postmodernism]*. Minsk, Sovremennyy literator, 2007, 148–152.
 5. Grojs, B. *Gesamtkunstwerk Stalin [The Total Art of Stalin]*. Moscow, OOO "Ad Marginem Press", 2013. 168 p.
 6. Gromova, A.V. Intertekstual'nost' rannej prozy K.G. Paustovskogo: postanovka problemy [Intertextuality of K.G. Paustovsky's early prose: problem statement]. In: Kirov E.F., Kundrotas G., Loskutnikova M.B. (eds.) *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnyh statej [Russian studies and comparative studies: collection of scientific articles]*. Moscow, MGPU, 2010, 5, 205–214.
 7. Gyunter, H. Zhiznennye fazy socrealisticheskogo kanona [Life phases of the socialist realist canon]. In: *Socrealisticheskij kanon: sbornik statej [The socialist realist canon: collection of articles]*. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt, 2000, 282–287.
 8. Klark, K. Stalinskij mif o "Velikoj sem'e" [The Stalinist myth of the "Great Family"]. In: *Voprosy literatury [Questions of literature]*, 1992, 1, 83–93.
 9. Kovskij, V.E. *Realisty i romantiki: iz tvorcheskogo opyta russkoj sovetskoj klassiki [Realists and romantics: from the creative experience of Russian Soviet classics]*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1990. 381 p.
 10. Kovtun, N.V. *Trikster kak geroj nashego vremeni (na materiale russkoj prozy vtoroj poloviny XX – XXI veka) [The trickster as a hero of our time (based on Russian prose of the second half of the 20th – 21st centuries)]*. Moscow, FLINTA, 2022. 408 p.
 11. Lejderman, N. "Magistral'nyj syuzhet". XX veka kak literaturnyj megacikl ["The mainline plot". The 20th century as a literary megacycle]. In: *Ural [Ural]*, 2005, 3, 226–239.
 12. Leving, Yu. *Poeziya v myortvoj petle (Mandel'shtam i aviaciya) k 130-letiyu so dnya rozhdeniya O.E. Mandel'shtama [Poetry in a dead loop (Mandelstam and aviation) for the 130th anniversary of the birth of O.E. Mandelstam]*. Moscow, Boslen, 2021. 223 p.
 13. Lipoveckij, M. Trikster i "zakrytoe" obshchestvo [The trickster and the "closed" society]. In: *NLO [New Literary Observer]*, 2009, 6 (100), 224–245.
 14. Maroshi, V.V. Dionisijskie motivy v literaturnoj neomifologii aviatora [Dionysian motifs in the literary neomythology of the aviator]. In: *Kul'tura i tekst [Culture and text]*, 2005, 1, 15–33.
 15. Varlamov, A.N. *Aleksandr Grin [Alexander Grin]*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2008. 452 p.

16. Yagzhina, Yu.E. Intertekstual'nost' romana K.G. Paustovskogo "Blistayushchie oblaka" [Intertextuality of K.G. Paustovsky's novel "Shining Clouds"]. In: *LITERATERRA: materialy V Mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh* [*LITERATERRA: proceedings of the V International Conference of Young Scientists*], 2016, 243–252.
17. Zagidulina, T.A. *Ni vyys', ni svyshe. Aviacionnyj diskurs v russkoj literature 20-h–30-h gg. XX v.* [*Neither from above, nor from below. Aviation discourse in Russian literature of the 1920s–1930s*]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. V.P. Astaf'eva, 2019. 208 p.
18. Zheltova, E.L. Kul'turnye mify vokrug aviacii v Rossii v pervoj treti XX veka [Cultural myths around aviation in Russia in the first third of the 20th century]. In: *Trudy Russkoj antropologicheskoy shkoly* [*Proceedings of the Russian Anthropological School*], 2007, 4, 2, 163–193.

About the author

Zagidulina, Tatyana A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Methods of Primary Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: zagi9@rambler.ru